

БАЛЕТ. Много времени прошло с тех пор, как на сцену театра «Эстония» вышел многоактный, отечественный балет еще одного такого балета — «Модильяни — проклятый художник» Тоомаса Эдур и Тауну Айнгса. В это же время

Тоомас Эдур — двигатель

ИНТЕРВЬЮ

ТИЙТ
ТУУМАЛУ

редактор культуры

Тоомас, вы обидитесь, если работе, которую вы проделали за это время, я поставлю оценку «удовлетворительно»? Нет, я не обидчивый.

А хотите ли вы знать, почему? Конечно. Может, я хочу поспорить! По каким критериям вы вообще оцениваете?

По тому, что вижу на сцене. В первую очередь, репертуар. Я считаю, что в политике одноактных балетов на большой сцене нет последовательности, они скорее случайны, ведь комбинация «Отелло» и «Who cares?» («Не все ли равно?») отнюдь не самая целостная, равно как сочетание балетов «Время» и «Вторая симфония». «Время» и «Отелло» лучше подходят друг другу. Когда на большой сцене будут регулярно показывать компактные вечера современного короткого балета и будет ли это когда-нибудь?

Если бы на балеты ходило больше народу... В этом-то все дело. Мы ездили с классной программой («Время» и «Отелло» — Т. Т.) в Пярну, и в

против этого, но художник хочет вот такую сумму. Хоть плачь, хоть смейся.

Так что, в каждом сезоне вы не решаетесь ставить в программу такой вечер?

Да, не решаемся. Мы делаем все возможное, так что посмотрим, как пойдут дела. Наша цель — воспитывать публику постепенно, шаг за шагом.

Что же касается составления программы, то в случае triple bill (три коротких балета или танцевальных номеров за один вечер. — Т. Т.) очень важна целостность стиля, при double bill (два в одном. — Т. Т.) это не так важно. Важнее, скопее, разнообразие. И это срабатывает — по крайней мере, так мне кажется.

Конечно, это бесконечное комбинирование — как конструктор Lego, деталей маловато, но дом нужно построить. Как и с балетом Баланчина («Who Cares» — Т. Т.), который мы, прибегнув к небольшой хитрости, смогли показать — в программе новогоднего бала. Теперь мы смотрим, с чем он лучше всего сочетается.

Разве в том, что современный балет особо не привлекает здешнюю публику, нет вины и самого нашего балета? Взять хотя бы давно устаревшую риторику, которую обычно при-

ной оперы. — Т. Т.) — все можно купить, если есть деньги.

Что касается многоактных балетов, то репертуар, пожалуй, слишком сильно кренится в английскую сторону. Почему? Вы лучше знаете тамошнее культурное пространство — все-таки 19 лет в Англии?

Конечно, Англия — это мой второй дом. Но не это главное. Пожалуйста, включите программу ETV и посмотрите, какие сериалы там идут — в основном британские. Почему? Потому что это хорошее качество. И английский балет по своей чистоте является одним из самых образцовых. Американский балет порой бывает грубоватым — там слишком большая свобода, во Франции прекрасный уровень, но там на сцене слишком много «звездности»...

Возможно, было несколько решений, которые пришлось принять, немного торопясь, но в основном цель заключается в том, чтобы показать здесь постановки, которые уже снискали признание на мировых сценах. И если это получится, то начнем делать другие вещи. Эти балеты подходят и нашим танцорам, и нашей публике и... цена тоже важна, об этом тоже нельзя забывать.

Соотношение цены и качества

Если бы на балеты ходило больше народу... В этом-то все дело. Мы ездили с классной программой («Время» и «Отелло» — Т. Т.) в Пярну, и в зале на 800 мест было всего 200 зрителей... Я могу сколько угодно говорить, что «Время» (короткий балет Тийта Хелимetsa. — Т. Т.) — это очень хорошая работа, но больше трех раз мы не заполним им зал театра «Эстония». Правда, на рекламных плакатах у нас нет пачки (балетная юбка) — если бы была, может, все было бы по-другому... Нарочно нет.

И я не очень понимаю, почему люди, когда рекламируют, что в гости приезжает российский супербалет, который на самом деле склончен наспех, бегут смотреть его. А когда выступает Эстонский национальный балет, качество которого намного выше — я не скажу, что мы Парижская Опера, но у нас действительно очень сильные танцовщицы, — то... есть как есть.

Вообще-то в других странах мира дела обстоят также — современный балет трудно продавать. Даже лондонскому Королевскому оперному театру трудно. Разница в том, что они могут себе это позволить, поскольку у них достаточно денег. Например, они могут заказать одноактный балет у Уэйна Макгрегора, в котором одна только работа художника стоит 90 000 фунтов. Когда мы захотели привезти сюда тот самый знаменитый 1 Chroma (одноактный балет, который в 2007 году получил самую престижную в Британии театральную награду имени Лоуренса Оливье. — Т. Т.) и я позвонил Уэйну (в 2004 году Макгрегор поставил специально для Аге Окс и Тоомаса Эдура танцевальный номер 2 Нитап. — Т. Т.), он сказал, что сам ничего не имеет

балет особо не привлекает здешнюю публику, нет вины и самого нашего балета? Взять хотя бы давно устаревшую риторику, которую обычно приводят в этом случае — будто это какой-то особенный сказочный мир, полный неземного мерцания, причем, отнюдь не в смысле фантастики?

Согласен. В XXI веке и сказки должны быть реалистичными, а не искусственными. Принцесса на сцене должна быть в первую очередь человеком, а не куклой Барби, чрезмерно жестикулирующей и стилизованной, хотя маленьким девочкам это нравится. Вот поэтому я и ввел в репертуар «Манон». Именно Мак-Миллан добивался сценической реальности, чтобы танцовщицы были естественными. Так же, как мы сейчас — сидим, разговариваем, не фигляствуем. «Модильяни» — такой же.

Мы всерьез взялись за развитие национального искусства хореографии, шаг за шагом продвигаясь к этому.

Моя цель — воспитать такую публику, которая знает, что танец может быть всем. Это может быть сказка, просто чистое движение или же повествующий балет, как «Манон» и «Модильяни». Все это нужно развивать и поддерживать, все это требует времени. Я пришел сюда, не имея намерения набрать полный дом иностранцев и создать с ними новую труппу, как это сделал Кеннет Грее (балетный руководитель Финской националь-

танцов, и нашей публике и... цена тоже важна, об этом тоже нельзя забывать.

Соотношение цены и качества в порядке?

Да. Хотя в смысле затрат нам иногда удавалось ставить очень качественные спектакли относительно недорого.

Благодаря тому, что с Рональдом Хиндом (хореограф «Копелии» и «Розалинды». — Т. Т.) вы практически на «ты»? И хорошо знаете вдову Кеннета МакМиллана?

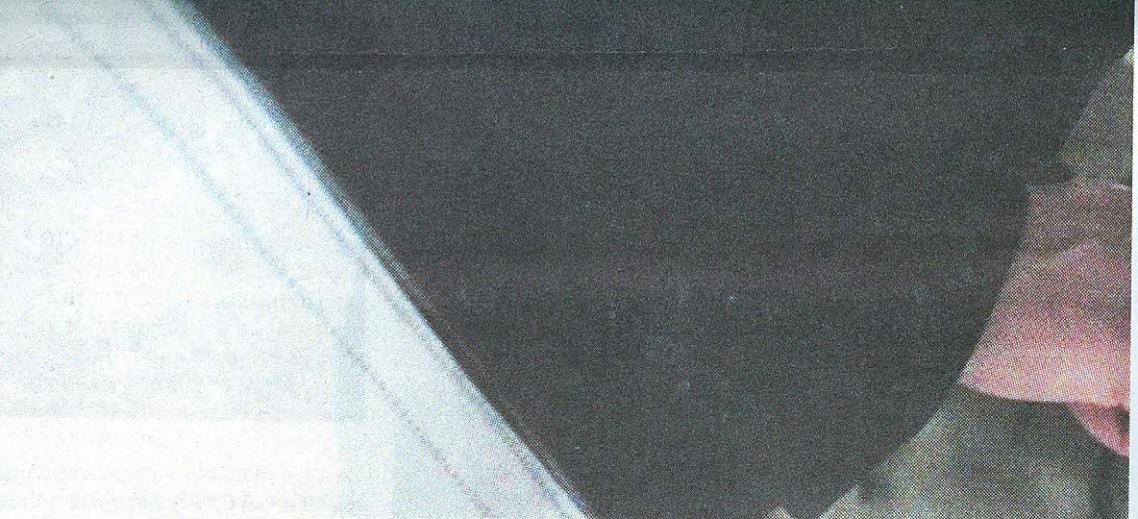
Я уже отправил им сто писем с благодарностью. Почему я так хотел «Манон»? В этом есть и такой момент: балетный мир видит, что театр «Эстония» показывает «Манон», ага! значит они, наверно, молодцы... Должны быть. Наша репутация только улучшается благодаря тому, что мы танцуем Рональда Хинда, не говоря о «Манон».

«Щелкунчик» (хореограф Бен Стивенсон. — Т. Т.) может нравиться или не нравиться, но он забавный — это Рождество. Да, это не психологический «Щелкунчик», хотя почему бы и нет? В Америке его танцуют 35 лет, он до сих пор в репертуаре, в Лондоне был семь лет. И теперь мы поедем с ним в Венецию, в театр La Fenice («Феникс» — один из самых именитых оперных театров в Европе. — Т. Т.), в Рождество у нас там будет пять представлений. Вот такие вещи вызывают гордость.

Но до этого, летом, мы еще побываем в Аомене и Гонконге, там мы покажем «Белоснежку и семью гномов».

Белоснежка да еще посреди лета — звучит экзотически, как и названия стран.

Пусть это и не La Fenice, но это прекрасная возможность зая-

«На репетиции «Модильяни»: Тоомас Эдур сопреживает рождению своего первого полномасштабного ба-

графических этюдов и семь наших исполнителей танцев раскроются в качестве хореографов.

Признаю, подобные лаборатории существуют при каждом уважающем себя театре. В «Эстонии» такое последний раз бывало лет десять назад, еще во времена Май Мурдмаа,

когда тогдашние исполнители «Эстонии», главным образом Март Кангро и Дмитрий Харченко, вывели из себя половину зала финских пенсионеров.

(Смеется). Мы пытаемся делать театр преимущественно для публики.

По поводу Май Мурдмаа. Одна из ее классических постановок «Преступление и наказание» в нынешнем году появилась в формате театрального проекта. Почему это не могло осуществиться на сцене театра «Эстония»?

Мы планируем наши спектакли на два года вперед, а Май выдвинула свою идею слишком поздно. Мы не можем за одну ночь делать подобные вещи. Но мы поддержали Май своими танцовщиками. И ес-

ли помните, то и «Федра» сталаась нами сообща.

Такого решения, что сцена театра «Эстония» будет закрыта для Мурдмаа, нет?
Безусловно, нет.

Еще я бы отметил, что технически труппа становится все лучше, однако у нее еще нет единого дыхания, насколько это было бы возможно; еще есть пространство для роста с точки зрения психофизической подготовки танцов. Вы согласны?

Согласен, что стабильности еще не хватает. Не все спектакли получаются в равной степени. В отношении психофизической составляющей я не знаю. «Манон», например, выдвигающий к танцорам очень высокие психологические требования, по-моему, выполнен очень хорошо. Не все же спектакли должны быть построены на этом. Почему бы, глядя на «Розалинду», просто не посмеяться? Почему эта самая «Розалинда» для кого-то имеет негативный оттенок? Ведь народ в Эстонии не может быть настолько глуп, что приходит и наслаждается этим.

совместное творчество эстонского хореографа и эстонского...
полнится три года, как Эдур руководит национальным балетом.

национального

ФОТО: ТООМАС ХҮЙК

Куда вы вообще хотели бы взойти с Эстонским национальным балетом?

К вершинам, только к вершинам. (Смеется). Сообразно со своими возможностями, разумеется. Мы бы хотели быть одной из составляющих мирового театра балета, чтобы Эстон-

ский национальный балет не заставлял никого пожимать плечами. Мы должны быть в состоянии танцевать на хорошем уровне как классику и неоклассику, так и современный репертуар. Чтобы у нас было пополнение, на котором можно было бы что-то строить —

и этому тоже необходимо со-действовать.

Танец должен быть подобен Олимпиаде. И государству следовало бы в него инвестировать. Ведь в отношении спорта такой вопрос не стоит. У нас есть Олимпийский комитет, у каждого вида спорта свои союзы, такие мощные организации, которые развиваются и управляют. У балета ничего нет...

Считаете ли вы возможным, что в один прекрасный день Эстонский национальный балет получит приглашение в Лондон, например, в тамошний Танцевальный театр Садлерз-Уэллс?

Тут такое дело. Один раз побывать в Лондоне несложно, но вот чтобы тебе позвали обратно... Такие дела следует делать спокойно и мудро.

Еще немного о труппе. Из 56 танцоров в Эстонии балетом занимались более 30 — это довольно хороший показатель, если учесть открытость границ и универсальность танца. Для сравнения — в театре «Ванемуйне» из 32 — менее десяти. Есть ли здесь вообще резон удерживать какие-то разумные пропорции, чтобы мы могли вести речь о национальном искусстве балета?

Конечно, я бы хотел, чтобы все артисты балета были нашими. Но мы ведь не можем их просто так где-то взять, они ведь на улицах не растут. Тем более, что границы открыты. Появилась конкуренция. И опускать планку мы не хотим. Вы знаете, сколько CV к нам поступило, когда мы в начале года объявили конкурс на несколько вакансий?

Не знаю, думаю, что примерно сто.

Свыше четырехсот. Мы поместили объявление в Dance Europe (английский танцевальный журнал. — Т.Т.), ответы поступают до сих пор, хотя конкурс уже давно завершен. Училища сами заинтересованы в том, чтобы их воспитанники получали работу, даже за такую зарплату, как у нас.

реографа и эстонского композитора. Вскоре состоится премьера национальным балетом. Поэтому есть повод на миг оглянуться назад.

Национального балета

и этому тоже необходимо со-
действовать.

Танец должен быть подо-
бен Олимпиаде. И государ-
ству следовало бы в него инве-
стировать. Ведь в отношении
спорта такой вопрос не стоит.
У нас есть Олимпийский ко-
митет, у каждого вида спорта
свои союзы, такие мощные ор-
ганизации, которые развива-
ют и управляют. У балета ни-
чего нет...

Считаете ли вы возможным,
что в один прекрасный день
Эстонский национальный ба-
лет получит приглашение в
Лондон, например, в тамош-
ний Танцевальный театр
Садлерз-Уэллс?

Тут такое дело. Один раз побы-
вать в Лондоне несложно, но
вот чтобы тебе позвали обрат-
но... Такие дела следует делать
спокойно и мудро.

Еще немного о труппе. Из 56
танцовов в Эстонии балетом
занимались более 30 — это
довольно хороший показатель,
если учесть открытость гра-
ници и универсальность танца.
Для сравнения — в театре
«Ванемуйне» из 32 — менее
десяти. Есть ли здесь вообще
резон удерживать какие-то
разумные пропорции, чтобы
мы могли вести речь о наци-
ональном искусстве балета?

Конечно, я бы хотел, чтобы все
артисты балета были наши-
ми. Но мы ведь не можем их
просто так где-то взять, они
ведь на улицах не растут. Тем
более, что границы открыты.
Появилась конкуренция.
И опускать планку мы не хо-
тим. Вы знаете, сколько CV к
нам поступило, когда мы в на-
чале года объявили конкурс на
несколько вакансий?

**Не знаю, думаю, что пример-
но это.**

Свыше четырехсот. Мы по-
местили объявление в Dance
Europe (английский танце-
вальный журнал. — Т.Т.), отве-
ты поступают до сих пор, хотя
конкурс уже давно завершен.
Училища сами заинтересова-
ны в том, чтобы их воспитан-
ники получали работу, даже
за такую зарплату, как у нас.

Что же касается пропор-
ций, то думаю, что нам удалось
ее все-таки каким-то образом
сбалансировать. Скажем чест-
но, чем мы сами можем удер-
живать наших танцоров? Моло-
деж хочет путешествовать,
посмотреть мир, испытать что-то
новое. Репертуаром, да, тем,
как к ним относятся — это та-
же удерживает. Но вопрос де-
нег никак не обойти стороной.

**Моя цель —
воспитать такую
публику, которая
знает, что танец
может быть всем.**

Из выпускников Таллиннско-
го балетного училища послед-
них лет лишь немногие сей-
час оказались в труппе теа-
тра «Эстония», например, в
2011 году из семи — один, в
2010-м из одиннадцати —
двою, а в 2009 году из вось-
ми — ноль. Извините, если эта
статистика не совсем точна.
Что же происходит?

Это то самое, о чем я и говорю.
Почему у нас нет пополнения,
почему мамы и папы не при-

водят своих детей в балетное
училище, почему выбор огра-
ничен — все это начинается
исподволь, с того, насколько
государство и общество ценят
балет. Нет понимания, что это
важно, столь же важно, как и
развитие спорта. Хотя бы с
точки зрения здоровья. Как в Англии, где министерство
здравоохранения поддерживает
танцевальную культуру.

**Всевозможные балетные
кружки пользуются популя-
рностью, однако, профессио-
нально этим заниматься осо-
бо не хотят?**

Именно. Все в порядке, пока
это хобби. Но балет это спорт
высоких достижений — или
ювелирное производство, как
я его называю. Оно требует со-
ответствующих механизмов
поддержки.

Начиная с того, что та-
лантливых детей ищут уже
в начальной школе. Или же
позже поддерживают за счет
стипендий. Или же им просто
платят приличную зарплату.
Ведь эту профессию осваива-
ют все-таки девять лет.

**Какой же репертуар ожидает
зрителей в ближайшие годы?
Два балета в сезон, сейчас это
потолок наших возможностей.**

В следующем сезоне в програм-
ме «Баядерка» — один балет в
пачках все же должен присут-
ствовать. Я хочу сделать его бо-
лее свежим, быстрым.

И Марина Кеслер поста-
вит «Золушку» с оригиналь-
ной хореографией, немного в
более современной интерпре-
тации. Далее мы хотим поста-
вить «Сон в летнюю ночь» Ба-
ланчина, от Алексея Ратман-
ского, Джона Кранко, Матса
Эка, Тийта Хелиметса ожида-
ем первого полномасштабно-
го балета.

Мы всерьез взялись за раз-
витие национального искус-
ства хореографии, шаг за ша-
гом продвигаясь к этому.

**Сколько раз вы за эти три го-
да пожалели, что приняли эту
должность?**

Ни разу не пожалел. Я всегда
хотел вернуться. И я никогда
не танцевал ради денег. Един-
ственная вещь, о которой я со-
жалел, что у меня нет трех го-
лов и десятка рук. Или же нет
возможности многократно
размножиться, как в фильме
«Матрица».

**Сами вы уже не танцуете?
Нет, ноги не позволяют. Хва-
тит того, что я пришпориваю
других.**

Премьера балета «Модильяни — проклятый художник» Тоомаса Эдура и Тауно Айнтса состоится в пятницу, 11 мая, на сцене театра «Эстония». Главную партию исполнит Анатолий Архангельский.